

Власть прошлого ¹⁾).

Въ первые годы замужества Наташа почти совершенно забросила музыку. И не до того ей было; и какое-то непонятное чувство все удерживало ее. Ей всегда почему-то казалось, что, когда она садилась за свой Бехштейнъ— она измѣняла Андрею. Она даже старалась замѣчать, не ревнуетъ ли ее Андрей Александровичъ къ музыкѣ, но вскорѣ она убѣдилась, что ничего подобнаго и въ помыслахъ даже не было у ея мужа. Но любовь къ музыкѣ не покидала ее, и вотъ, когда Коля подросъ, когда присутствіе ея около него не было необходимо ежеминутно—она снова увлеклась этимъ любимымъ занятіемъ. Играла она всегда по вечерамъ, большей частью, когда Коля уже спалъ. Простившись съ нимъ, перекрестивши его и подождавъ немного, когда мальчикъ начиналъ засыпать, она тихонько выходила изъ комнаты и шла въ гостиную, гдѣ стоялъ рояль. Квартира была очень большая; она знала, что своей игрой она не можетъ тревожить сонъ ребенка, и потому спокойно отдавалась этому удовольствію.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ съ ней произошелъ странный необъяснимый случай. Войдя въ гостиную и притворивъ за собою дверь, она зажгла свѣчи на роялѣ, взглянула на часы и сѣла играть. Андрея Александровича дома не было; няня сидѣла въ дѣтской, а прислуга (они держали одну кухарку) была у себя на кухнѣ. Удивительно странное чувство овладѣло ею; когда она еще только входила въ полутемную комнату, она ясно почувствовала присутствіе кого-то; ей сразу сдѣлалось жутко; но она въ душѣ посмѣялась надъ собою, приписала все это разстроеннымъ нервамъ и спокойно сѣла за рояль. Не

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

успѣла она сыграть нѣсколько страницъ, какъ необъяснимый трепеть охватилъ ее всю; кто-то стоялъ за ней, за ея стуломъ, ей даже показалось, что этотъ кто-то наклонился къ ней; давно забытый, знакомый голосъ прошепталъ ея имя. Она вскочила и чуть не съ крикомъ бросилась изъ гостиной. Въ столовой ее встрѣтила няня, выбѣжавшая на шумъ.

— Барыня, матушка! Что съ вами? Гляньте, какъ мѣль бѣлыя!..

— Такъ! испугалась чего-то! Теперь ничего! и она вся трясась, какъ въ лихорадкѣ, опустилась на стулъ около двери и нервно дышала.

Послѣ этого она долго не могла рѣшиться подойти къ роялю, а черезъ нѣкоторое время она узнала отъ Аннетте Барановой, что Александръ Сергѣевичъ умеръ отъ воспаления въ легкихъ.

Вспоминая тогда, то, что съ ней произошло, и сопоставляя это со днемъ его кончины, она рассчитала, что это случилось нѣсколько дней послѣ его смерти. Суевѣрный страхъ овладѣлъ ею. „Онъ приходилъ проститься со мною!“ подумала она.

Яркимъ пламенемъ вспыхнули всѣ воспоминанія. Давно прошедшія картины юности предстали передъ ея духовными очами. Но тотчасъ же все и потухло.

Потухло на долго, навсегда!..

Колѣ девять лѣтъ. Наташа готовитъ его къ поступленію въ первый классъ корпуса. Коля будетъ военный. Конечно, не о такой карьерѣ для него мечтала она; но выбора нѣтъ. Онъ будетъ воспитываться на казенный счетъ; отдавать же въ высшее учебное заведеніе—средствъ нѣтъ. Денегъ едва-едва хватаетъ на жизнь. Да, собственно говоря, и не хватаетъ; потому что послѣдніе пять—шесть дней до 20-го числа, т.-е. до получки жалованья, кое-какъ перебиваются; берутъ въ долгъ у мясника: въ долгъ—въ лавкѣ. Наташа не особенно горюетъ. Лишь бы было чѣмъ накормить Колю и Андрея; о себѣ она не думаетъ. Бѣлье становится плохо; платья тоже изнашивались; да это—не важность—вѣдь она нигдѣ не бываетъ. Вотъ жаль, шуба поиста-скалась, такъ что немного совѣстно надѣвать; ну да и въ пальто можно, когда не очень холодно. О своемъ туалетѣ она никогда особенно не заботилась. Сколько разъ приходилось ей выслушивать выговоры отъ Елены Ивановны за неряшливость по этой части.

— Помилуй, душечка, у тебя даже нѣтъ приличнаго платья, чтобы съ мужемъ въ театръ съѣздить!

Теперь Елена Ивановна молчитъ и не надоѣдаетъ ей больше съ этими замѣчаніями. И Наташа очень рада! Въ театръ она больше не ѣздитъ. Ея міръ—это дѣтская! Выѣзды ея ограничиваются поѣздками въ лавки, чтобы купить Колѣ или новую книгу или дешевенькой матеріи на костюмъ. И тогда ей рѣшительно все равно, что рукава у ея пальто не такіе широкіе, какъ теперь носятъ, и что бантъ на шляпѣ давно обратился въ безформенную лепешку!

Вотъ наконецъ то - Андрей Александровичъ смогъ ей дать нѣсколько рублей на ея личные расходы. Она ужасно рада и летитъ въ городъ. Какъ бы только ухитриться, чтобы, купивъ все нужное, оставить копѣекъ тридцать—сорокъ на баловство для ея мальчугана! Ему давно хочется ящикъ съ красками и переводныя картинки. И какое счастье, если она сможетъ сдѣлать эту комбинацію! Въ какомъ волненіи трясется она на дешевомъ извозчикѣ домой! Какъ дологъ путь! Вѣдь она уже часа четыре, какъ выѣхала изъ дому! Что-то Коля? Не выбѣгаль ли въ кухню, когда тамъ отворена дверь на дворъ? Не забыла ли Аннушка запереть форточку въ дѣтской? Она такая вѣтренница. Господи, какъ тихо плетется извозчикъ! Голубчикъ, подгони немного, я тебѣ прибавлю.—Но вотъ пріѣхали! Она бѣжитъ дворомъ, коридоромъ, отворяетъ дверь, звонка не было; дверь запиралась только на ночь; жили самымъ патріархальнымъ образомъ. Изъ комнатъ доносится звонкій голосъ и веселый смѣхъ. Слава Богу! здоровъ, веселъ...

— Не лѣзь въ переднюю, уходи, я холодная! и она машетъ ему руками.

Хорошенькая головенка просунулась въ дверь и съ любопытствомъ старается разсмотрѣть свертки на подзеркальничкѣ.

— Мамочка! а привезла, что обѣщала? кричитъ онъ.

— Все, все привезла, радость моя! Сейчасъ обогрѣюсь и приду...

Лѣтомъ они нанимали недорогую дачку на одной изъ подмосковныхъ станцій и жили тамъ. Какое это было хорошее, счастливое время для Коли! Цѣлыми днями онъ гулялъ, бѣгалъ, игралъ съ товарищами, купался въ рѣкѣ. Андрей Александровичъ научилъ его плавать. Съ замираньемъ сердца отпускала его Наташа съ отцомъ купаться, но всегда гордилась и радовалась, когда Андрей Александровичъ рассказывалъ про его

ловкость и смѣлость. Какъ она любила гулять съ нимъ! Уйдутъ, бывало, въ лѣсъ; ищутъ ягоды, грибы, а то усталые присядутъ на мохъ, гдѣ-нибудь въ тѣни, и тутъ начинаются самые интересные разговоры. „Отчего“ и „почему“ такъ и сыплются съ губокъ любопытнаго мальчика; и на все-то нужно дать отвѣтъ. Наташа такъ рада, что можетъ удовлетворить его, и въ разсказахъ своихъ идетъ даже дальше его вопросовъ; незамѣтно въ продолженіе этихъ разговоровъ мальчикъ знакомится съ зоологіей, ботаникой, минералогіей, астрономіей и другими науками.

А вотъ и августъ мѣсяцъ подошелъ, а съ нимъ и экзамены въ корпусѣ. Андрей Александровичъ съ Колей уѣхали съ самымъ раннимъ поѣздомъ въ Москву. Съ какимъ страхомъ и трепетамъ благословила Наташа своего ненагляднаго мальчугана. Какъ потерянная ходитъ она изъ угла въ уголъ цѣлый день, не въ силахъ приняться за какое-нибудь дѣло! Подходить время поѣзда, съ которымъ они должны вернуться; заставляя себя нарочно идти тихо, она подходитъ къ платформѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда изъ вагона выходитъ Андрей Александровичъ, а за нимъ въ форменной фуражкѣ и шинели маленькій кадетикъ. Господи! онъ ли это? Она едва узнаетъ его. Завидя мать, онъ бросается къ ней на шею. А она, сдерживая слезы, покрываетъ его поцѣлуями.

— Ну, поздравляю съ новоиспеченнымъ кадетомъ, Наташа! говоритъ Андрей Александровичъ, въ свою очередь цѣлуя жену. Экзаменъ выдержалъ молодцомъ; принять на казенный счетъ!

Вечеромъ, когда Коля ложится спать, Наташа приходитъ къ нему въ комнату, и они оба подробно разглядываютъ казенное одѣяніе. Колю прельщаютъ блестящія пуговицы и галуны на мундирѣ.

Наташа съ болью въ сердцѣ щупаетъ грубое сукно, грубое бѣлье и съ ужасомъ думаетъ, какъ все это будетъ тереть нѣжное тѣльце и стѣснять его движенія. Но, конечно, она старается скрыть свои ощущенія и съ полнымъ вниманіемъ слушаетъ разсказы обо всѣхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ за сегодняшній день.

— Главное, мамочка, хорошо то, что насъ будетъ много, много мальчиковъ! Можно во все играть.

Она утвердительно киваетъ головой, а на сердцѣ тяжело и грустно. Такое чувство, какъ будто его отняли у нея; какъ будто онъ ей менѣе принадлежитъ.

Коля учился хорошо; всѣ семь лѣтъ корпуснаго ученія онъ переходилъ изъ класса въ классъ съ похвальными листами и наградами. На этотъ счетъ Наташа была спокойна. Вотъ въ отношеніи поведенія этотъ пунктъ оставлялъ желать лучшаго. Рѣзвый, живой мальчикъ никакъ не могъ помириться съ военной дисциплиной; и воспитателямъ, и преподавателямъ было чрезвычайно трудно заставить его войти въ условныя рамки корпусной жизни.

„Учится отлично, ведетъ себя неудовлетворительно, возбуждаетъ товарищей и производитъ беспорядокъ въ классѣ“.

Наталья Николаевна читаетъ аттестацію и волнуется.

— Количка! что же это такое? грустно спрашивала она сына.

— Мамочка, посуди сама! Этотъ мерзавецъ Извольцевъ опять вляпалъ единицу Кульчевскому! За что? Онъ отвѣчалъ довольно хорошо. Ну, я конечно протестовалъ, а за мною и весь классъ загалдѣлъ...

— Да твое ли это дѣло? Ну, какое ты имѣешь право протестовать?

— Какъ! я не имѣю права заступиться за товарища? Да это мой долгъ, моя святая обязанность!

— Твой долгъ, твоя обязанность вести себя хорошо, не огорчать меня и папу...

— Мамочка! Ты не понимаешь, не знаешь, что такое товарищество... оно обязываетъ...

Въ другой разъ, вечеромъ Наташа сидѣла и работала у себя въ комнатѣ. Вдругъ раздаются быстрые шаги, и входитъ Коля. Лицо исцарапано, волосы всклокочены, парусиновая рубашка изорвана.

Наташа такъ и ахнула.

— Ты, мамочка, не пугайся, что я въ такомъ видѣ! Это ничего! сейчасъ приведемъ себя въ порядокъ.

Наташа продолжаетъ вопросительно смотрѣть и ждать объясненія.

— Это, видишь, нашъ классъ шелъ на седьмой! Ну, и потрепали малость другъ друга!

— Что же воспитатели? Гдѣ же они-то были?

— Фью! вотъ спрашиваешь! Да что же они могутъ?

— Что же теперь вамъ за это будетъ?

Коля почесалъ въ затылкѣ.

— Будетъ-то здорово! Пришелъ ротный и объявилъ: субботу и воскресенье—безъ отпуска; всѣ будемъ сидѣть въ классахъ; да еще, можетъ быть, и не одно воскресенье!

— Какъ, и ты тоже? Вѣдь мы собирались къ бабушкѣ обѣдать!..

— Нѣтъ, ужъ ты поѣдешь одна; я посижу съ товарищами.

И Наташа знала, что просить о прощеніи не стоитъ; такъ какъ все равно Коля не захочетъ избѣгнуть общаго наказанія.

Какъ ни любила Наташа своего мальчугана, но всегда была къ нему безпристрастна и, когда слѣдовало, всегда журила его. Но часто приходилось ей возмущаться далеко не педагогическими поступками воспитателей и учителей. И по этому поводу у нея были частыя столкновенія съ Андреемъ Александровичемъ. Онъ, какъ человѣкъ военный, требовалъ вездѣ дисциплины.

— Не разсуждай, не твое дѣло! Такъ приказано — такъ и дѣлай, говорилъ онъ сыну. Воспитатель не можетъ быть не правъ!

Наташа возставала противъ этого. Говорить такъ — значило лгать противъ своихъ убѣжденій. И значитъ — лгать. Многие думаютъ, что дѣти еще не могутъ разобраться въ томъ, что справедливо и что — нѣтъ. И это громадная ошибка. Дѣти отлично все понимаютъ.

И Наташа соображала, что, если она будетъ доказывать сыну, что воспитатель *правъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ завѣдомо *не правъ* — то сынъ перестанетъ питать къ ней довѣріе. Она поступала иначе; она обсуждала съ сыномъ всякій поступокъ воспитателя и, если были такіе поступки, которые вопіали противъ справедливости и здраваго разсудка (съ прискорбіемъ нужно сознаться, что это случалось не рѣдко) — она не старалась доказывать сыну, что воспитатель правъ; нѣтъ, она только говорила ему, что разъ отъ него этого требуютъ, то нужно подчиниться, что онъ въ военномъ заведеніи и долженъ покориться военной дисциплинѣ. — Результатомъ этихъ воззрѣній было то, что Коля несъ къ матери всѣ свои огорченія, всѣ свои неудачи и откровенно рассказывалъ всѣ свои столкновенія съ корпуснымъ начальствомъ. И уже въ одномъ Наташа могла быть увѣрена и спокойна — Коля никогда не лгалъ.

У Коли было много товарищей; многихъ изъ нихъ онъ таскалъ къ себѣ домой. Все это, большей частью, были сироты, или такіе, родители которыхъ жили гдѣ-нибудь далеко. Радужно

и ласково принимала ихъ Наташа, заботилась о нихъ, баловала ихъ. Ей всегда думалось: какой ужасъ для родителей сознавать и чувствовать, что ребенокъ ихъ такъ далеко отъ нихъ! Кто-то его приголубить, кто-то приласкаетъ? И вотъ она голубила и ласкала этихъ малышей, выброшенныхъ изъ родного гнѣзда, заброшенныхъ судьбою на чужую сторону. Были между ними и хорошіе, благодарные; были и эгоисты, безсердечные. Первыхъ было больше. Сколько между ними такихъ, которые и теперь, уже взрослые, не забыли ея ласкъ, ея заботъ и относятся къ ней, какъ къ родной матери!

Въ 1901 году Коля кончилъ корпусъ. Сколько волненій во время выпускныхъ экзаменовъ пережили и мать, и сынъ! Какъ она страдала и мучилась за него, когда ему приходилось сидѣть поздно по ночамъ и заниматься, когда онъ на другой день уходилъ въ корпусъ блѣдный, взволнованный, а она бѣжала въ ближайшую церковь или часовню и молилась, молилась безъ конца.

Какое счастье, когда онъ прибѣгалъ радостный, торжествующій и объявлялъ, что получилъ высшій баллъ!

Съ какою гордостью и любовью смотрѣла она на него!

Сообщ. М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

